

Валентин Пикуль

Старое, доброе время

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Старое, доброе время
Серия «Через тернии
– к звездам», книга 36

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164158

*Пикуль В. Через тернии – к звездам. Исторические миниатюры: АСТ,
Вече; 2002*

ISBN 5-17-010665-3, 5-7838-0969-1

Аннотация

«...В середине прошлого столетия жители российской столицы часто видели странного человека, который свободно проникал в кабинеты самых знатных вельмож, а иногда шепотком беседовал с дворниками. Держался он слишком независимо и даже отчужденно от людей, вечно сосредоточенный, вззирающий исподлобья, но при этом его маленькие свиные глазки, казалось, насквозь пронизали каждого человека...

– Кто это? – шепотком спрашивали люди...»

Валентин Пикуль

Старое, доброе время

Историческая миниатюра

В середине прошлого столетия жители российской столицы часто видели странного человека, который свободно проникал в кабинеты самых знатных вельмож, а иногда шепотком беседовал с дворниками. Держался он слишком независимо и даже отчужденно от людей, вечно сосредоточенный, вззирающий исподлобья, но при этом его маленькие свиные глазки, казалось, насквозь пронизали каждого человека...

– Кто это? – шепотком спрашивали люди.

– Это русский Фуше, – отвечали им с опаскою.

– Какой же это Фуше? – слышалось от других. – Это скорее наш доморощенный питерский Лекок.

Чиновники, служившие в канцелярии обер-полицмейстеров Санкт-Петербурга, не раз видели этого Фуше-Лекока в различном одеянии. Он являлся перед ними то солидным господином, посверкивая бриллиантами в перстнях, то его видели вертким купцом в чуйке, а то вдруг он представал жалким оборванцем-пропойцей, который, казалось, начнет сейчас клянчить на водку.

– Господа, – утверждали знающие люди, – не будем сравнивать этого человека ни с Фуше, ни с Лекоком – Карп Леон-

тьевич Шерстобитов воистину русский, воистину православный, и... запомните: с этим человеком лучше бы нам не связываться!

У в ы! Прошлое, как говорится, сокрылось во мраке неизвестности, да и не такой человек был Карп Леонтьевич, чтобы просвещать потомков относительно своих предков. Хвастать-то было нечем, ибо произведен на свет он был безвестным солдатом. Судя по всему, Шерстобитов рано лишился опеки родителей, ибо николаевская система его – еще ребенка – поставила в шеренгу кантонистов, выровняла по ранжиру, высекла розгами, добавила ему палок. Но при этом система воспитания кантонистов не забывала об умственном развитии.

Шерстобитов выучился на военного фельдшера, двадцать лет подряд служил в морском госпитале Кронштадта, где и нашел себе утешение – матросскую дочь Прасковью Артамоновну, а попросту “Парашу”. Выходцу из школы кантонистов следовало 20 лет отрабатывать (почитай, за гроши) тот казенный хлеб, что получил с детства, будь любезен всем кланяться, никому не перечь, ибо можно опять розог да палок попробовать.

Вот и ходил по струнке, а своего мнения не имел.

– У ж о! – говорил фельдшер Параше. – В сорок первом году отпустят со службы – ох, и заживем мы с тобой!

– То верно, – соглашалась жена. – Я себе канарейку заведу,

а ты, Карпуша, на гитаре мне играть станешь...

В 1841 году Шерстобитов обрел за выслугу лет чин коллежского регистратора. “Он был титулярный советник”, – пелось в романсе, но титулярный советник перед коллежским регистратором – это слон перед москвой, ниже чем регистратор человека не может быть. (В Государственной Табели о рангах он занимал самую последнюю строчку.) Покинули супруги Кронштадт, перебрались в Петербург, сняли там “угол”, заготовили дровишек, ели щи с мясом, канарейку завели, и она радостно запевала, когда хозяин ударял по струнам гитары.

Между тем Карп Леонтьевич никак не был похож на тех “пришибленных” людишек, кои раздавлены нуждой и унижением и считают себя ничтожеством. Напротив! Как писал современник, “по наружности Шерстобитов, по отсутствию в нем угловатости, по его мягким и благородным повадкам, он более походил на приличного светского господина, нежели бывшего кантониста”, поротого-перепоротого. В столице Карп Леонтьевич обзавелся знакомствами, и поскольку он жил возле пожарной части, то и брандмайор О. С. Орловский стал его добрым соседом. Надо же было так случиться, что однажды обворовали квартиру Осипа Степановича, а человек он *был* хороший, и Шерстобитову жаль его стало...

– Не могу ли помочь? – сказал брандмайору.

– Э! – отмахнулся брандмайор. – Я уже ходил к Сергею Александровичу, жаловался, что полиция у него плохо сле-

дит за порядком, да ворованное разве вернешь?

Сергей Александрович – это Кокошкин, бравый генералище, что в ту пору состоял обер-полицмейстером Петербурга.

– Ладно, – сказал Шерстобитов, – я поищу...

Приоделся попроще, стал обхаживать рынки, заводить речи с людьми подозрительного вида, прислушивался по трактирам к тому, о чем говорят бродяги да извозчики, и нашел краденое в “Вяземской лавре” (это громадный дом на углу Сенной площади, притон нищеты и уголовного мира, ранее описанный Крестовским в романе “Трущобные люди”, а в наше время об этой “лавре” писал А. Н. Тихонов-Серебров, бывший секретарь Максима Горького). Орловский расцеловал Шерстобитова:

– Ну, сосед, не ожидал такого проворства. Чтобы ты, который матросам клизмы ставил, да в “Вяземскую лавру” поперся... Уж ты скажи – как тебя тамотко не зарезали?

В ответ брандмайору стал Шерстобитов играть на гитаре:

– С людьми говорить уметь надобно. Когда криком, а когда шепотом. Я тебе, друг ситный, ласковым словом любую гадюку из-под коряги выманю...

Кокошкин пожелал иметь с ним личное знакомство.

– Карп Леонтыч, – сказал он Шерстобитову, – мне тут о тебе брандмайор чудеса поведывал. Распутай мне одно дельце, и, ежели справишься, я тебя в квартальные надзиратели выведу... Ты барона Штиглица знаешь ли?

– Это который банкир? Который миллионер?

– Тот самый. Так вот с ним худая история приключилась.

– А что такое, ваше превосходительство?

– Да едва живым ушел... Слушай!

...В один из дней миллионера навестил офицер из свиты принца Баттенбергского, который, как было известно из газет, присутствовал на Красносельских маневрах как почетный гость русского императора. Штиглицу было сказано:

– Принц малость поиздержался и просил бы вас, барон, навестить его в отеле у Демута, который он снял, желая поговорить с вами по важному вопросу...

Штиглицу было ясно, в чем “важность” вопроса: если принц сидит без денег, значит, он желает подзанять у банкира.

– Его высочество, – сообщил посланец, – уверен, что вы не замедлите со свиданием, для чего и прислал за вами карету.

– Благодарю, – отвечал Штиглиц, – но в чужих каретах я не привык ездить, а желание принца понятно. Скажите ему, что я вскоре же подъеду...

Прибыв в отель, Штиглиц спросил внизу, каков номер, снятый для принца, и последовал этажом выше. Одна комната – пусто, вторая – ни души, толкнул двери в третью... Тут на него и накинулись сразу трое из “свиты” принца, которые для начала треснули его по кумполу кирпичом, а потом стали примитивно душить с помощью галстука. Штиглиц, не будь дураком, стал орать, прислуга услышала его зов о помощи, преступники мигом скрылись, оставив в номере

свой чемодан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.